

ВИТАУТАС Жалакявичюс до неузнаваемости похож на все свои фотографии. В переводе с литовского его фамилия значит «зеленоглазый». Синие пристальные глаза на подвижном лице, посменная улыбка — все это производит впечатление неуязвимого, осторожного человека. Он тишателен и вежлив. О новом фильме «Это сладкое слово — свобода» говорит отказавшись.

— Фильм не снят. И я ничего не могу вам сказать о том, чего нет.

На стене в его кабинете висят две большие фотографии, вернее, разнотональные отпечатки одного кадра. Сильно вытоптанное поле, где-то далеко стоит человек, совсем вдали гора, очень похожая на Аю-Даг.

— Это место съемок, Крым!

— Нет, это под Пицундой. Возможно, будем снимать там.

— Какие актеры будут сниматься у вас?

— Которых я знаю и которых хотел бы узнать.

Разговорить Жалакявичюса трудно.

— У меня сейчас нет внутренней потребности к беседе. Что вы хотите от меня узнать?

Надежда утрачена. Я длинно рассказываю, что в книге о Феллини есть прекрасное интервью. Далеко всегда еще так обстояно делают.

Согласно кивает головой.

— Одна из глав интервью называется «Как рассказать историю!» Вот как рассказать вашу историю? Родились вы в 1930 г. в Каунасе, окончили школу, поступили в Каунасский университет, хотели быть радиоинженером... Через два года поступили во ВГИК и Чиаурели. В 1956 году дебютировали в комедии «Утопленник». После этого было снято пять фильмов: «Пока не поздно», «Адам хочет быть человеком», «Живые герои», «Хроника одного дня», «Никто не хотел умирать» и телефильм «Вся правда о Колумбе». В про-

шлом году вышла ваша книжка с длинным названием «Разные слова об импульсах в кинотворчестве и поиски живых цветов». Там написано, что вы были на Кубе. В то время был написан сценарий «Садуто-туту». Что это по-русски?

— Ничего.

— А по-литовски?

— Ничего. Этого слова просто нет. Это припев.

— И этот «припев» был с сюжетом?

— Да. В общем, да. Это можно рассматривать как слабый сюжет, но все-таки он там был. Сюжет—это тарелка, это миска, в которой варят суп. Если у вас ее нет, не будет и супа. Будет уже что-то другое. Я не сторонник и не противник асюжетных вещей, но их просто нет. У Пруста есть тянущийся, развивающийся, тонущий в деталях поток сознания. И сюжет есть. Хороший такой, стендаевский, правильный сюжет. В общем-то очень трудно найти вещь, в которой не было бы сюжета, по крайней мере, в искусстве.

— Что вам интересно в фильме — сюжет или средство, которым это выражено?

— В моем — средство, в чужом фильме — сюжет.

— Различаете ли вы режиссуру фильма по стилю, манере?

— Издалека. В каждом фильме виден режиссер, если он есть. На временном расстоянии в 2—3 минуты уже можно определить мастера. Я не хотел бы называть имен. Это не осторожность галльского петуха, но произносить обоймы фамилий, по крайней мере, стало неприличным.

— Как и из чего, по-вашему, складывается стиль?

— Я ничего в этом не понимаю. Об этом нужно читать или спрашивать у Виктора Шкловского. Меня в проблеме стиля пугает совершенно частный вопрос: почему у меня самого в картинах нет этого неопределенного качества, именующего стилем? Снял полдюжины фильмов, еще делал что-то, и каждый раз полу-

чается так, словно это делали разные люди. Что это? Недостаток внутренней цельности, индивидуальности, искренности? Или вполне человеческое самоутешение, что все это еще будет, еще придет к тебе завтра или послезавтра... С этими надеждами часто умирают. Я понимаю, что

прошло пять лет. За это время вами были написаны сценарии «Мир, который принадлежит англичанам», «Красное и красное», «Чувства», «Садуто-туту».

— Да и что-то еще. Но, к сожалению, мне не хватало характера для их реализации.

— Ваш сценарий «Саду-

ваш первый цветной двухсерийный фильм?

— Да... Надо узнать цвет, его возможности, попробовать, что это такое...

— Кем бы вы были, если бы не стали режиссером?

— Наверно, архитектором. Когда я собирался поступать во ВГИК, я хотел еще поступить в Институт восточных языков, на арабистику.

— Часто ли вам приходится «повиноваться» или у вас «абсолютный» голос и вы прислушиваетесь в основном к себе?

— По пути повиновения я все время стараюсь прислушиваться к себе.

— Совершали вы когда-нибудь ошибки?

— Постоянно. Ничего, кроме этого.

— Что вы помните из своего детства?

— Мое детство было во время войны... Любил купаться, играть в мяч, драться. Все это люблю и по сей день. Любил ходить в кино (сейчас это делаю довольно редко). Фильмы об утенке Дональде Доне, «Как Микки Маус полетел на Луну» — пожалуй, это мои первые картины. Они и сейчас самые любимые.

— Ваши ассоциации, связанные с кино?

— Черно-белые.

В основу сценария «Это сладкое слово — свобода», написанного В. Ежовым и В. Жалакявичюсом, легли события, происшедшие в 1967 году в Латинской Америке, — побег из военной тюрьмы Сан-Карлос троих руководителей Компартии Венесуэлы. Сценарий охватывает четыре года борьбы коммунистов Латинской Америки в тяжелых условиях подполья.

— Скажите, как ваша новая работа связана с предыдущими фильмами?

— Видимо, связана, раз она моя... Когда начинаешь работать над фильмом, то возникают эталонные (для данного фильма) сцены, они потом определяют структуру фильма, и уже вокруг них, по их законам, растет фильм.

— Доверяете ли вы непрофессиональным акте-

рам! Итальянские, французские кинематографисты часто снимают их.

— Снимали...

— Но в «Забриски Поинт» у Антониони играют непрофессионалы...

— Значит, он получил тех людей, которые являются актерами. Возможность почувствовать свободу перед чужим глазом — это данные актера. Свою свободу в один этаж сни, в общество, сыграли.

— Будут ли непрофессионалы в вашем фильме?

— Будут, но не на магистральных ролях. Это два художника, я обязательно буду их снимать. Они обладают достаточно острой индивидуальностью.

— Когда появится ваш фильм, в какой стадии он сейчас?

— В феврале следующего года фильм должен быть готс. Сейчас идут съемки. Латинская Америка — моя вторая любовь. Мы знаем, что «Греции — все есть». В Латинской Америке — тоже. Здесь свои полководники, свои «орешки», своя судьба, своя революция. Мы удивительно мало знаем о целом континенте, о четверти земного глобуса. Наша эрудиция тут, пожалуй, исчерпывается знанием древней культуры инков. Но занавес поднимается (может быть, уже поднялся), и перед нашим взором на латиноамериканской сцене события начинают развиваться с такой остротой и темпераментом, что даже самые нелюбопытные не смогут остаться равнодушными. Магнетизм Нижней Америки и ее талант влиять в себя настолько многогранным, что это стоит испытать.

Жалакявичюс жестковато улыбается. История не была рассказана. Он очертил круг и не вышел из него. Цветные вопросы выгорели в нитях ответов. Из нитей сожилось слово, которое говорит, что он прав. Свой час всему. И свой — на ответы. Ответ — фильм.

Л. ИГУМНОВА.

СЛОВО ДО ФИЛЬМА

не только большие художники имеют свой стиль. Еще чаще этим качеством одарены неодавленные, которые бывают разнообразными и даже цельными натурами. В моих словах зависти нет. Однако мне всегда неприятны намеки о стиле. Кажется, что упрекают в физическом недостатке.

— Вы сняли шесть фильмов, причем первых два — «Утопленник» и «Пока не поздно» были комедиями. Жанр последующих фильмов — драма и трагедия...

— Я снял три фильма: «Хроника одного дня», «Никто не хотел умирать» и «Вся правда о Колумбе». Это мой один фильм. В нем есть стиль. Правда, можно сказать, что в «Хронике» другой «синтаксис». Но ведь это в конечном счете ничего не значит. После «Хроники» я не отказываюсь ни от одной странности.

— После выхода фильма «Никто не хотел умирать»

то-туту» был посвящен художникам?

— Да, художникам, «художничеству», краскам, чувствам...

— Вам что-нибудь мешает в работе?

— Только я сам. Видимо, есть какие-то внешние помехи, но это не те помехи. Говорят, что пафос искусства состоит в том, что художник привязывает к ногам гири, а потом легко и грациозно танцует. То есть «преодолевает» эту гирю.

— С каких пор вы почувствовали эту гирю?

— Со времени появления ответственности.

— Хотели бы вы снять фильм о своей жизни?

— Нет. Я не настолько искренний человек.

— Как-то в разговоре вы сказали, что в вашей жизни степень случайности достаточно велика. Видимо, это надо рассматривать как «проявление и дополнение необходимости». Ведь «Это сладкое слово — свобода»